

18+

Рихард фон Лоэнграмм

Лизол и розы

Крымская сага

Райнхард фон Лоэнграмм

Лизол и розы. Крымская сага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67095543

ISBN 9785005596093

Аннотация

Путешествие в Крым для сибиряка? Ему есть, с чем сравнивать, для начала. О том, как подарок отца едва не обернулся гибелью, и чем опасны радужные мечты – эта повесть. Как сказал Анатолий Алексин – «Чтобы уйти от человека, надо иногда придумывать ложные причины. Потому что истинные бывают слишком жестоки. Но чтобы прийти, ничего не нужно придумывать.». Даже, если этот человек из другого мира. Эта книга – о том же. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Александр. Синописис	5
Поезд до Керчи	15
Прибытие в Крым	24
Пансионат	64
Пребывание	94
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Лизол и розы Крымская сага

Райнхард фон Лоэнграмм

К столетию присоединения Крыма к России...

© Райнхард фон Лоэнграмм, 2022

ISBN 978-5-0055-9609-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр. Синописис

Для сибиряка совсем не обязательно ехать в Крым, дабы отдохнуть. Этот несложный тезис ранее не поднимался героем книги, который ждёт своего пятнадцатилетия. Но принимался как данность. Однако он вынужден уступить просьбе отца, который настаивает на этой поездке под предлогом того, что этак путёвки для матери и сына будут дешевле. Рассудив, что лучше уж повидать места, с которыми не был знаком, юноша принимает происходящее, хотя подозревает, что истинные причины случившегося довольно неприятны, потому их взрослые и стараются не озвучивать.

Неделя пути в поезде принесла не самый лучший опыт, и герой всё чаще разочаровывается в собственной матери, наблюдая её поведение вдали от дома. Зато приобретает навыки взрослого общения, знакомится изнутри с жизнью проводников и пассажиров. На пароме через Керченский пролив у него появляется устойчивое ощущение, что поездка ему не понравится.

По прибытии в Симферополь наш рассказчик сталкивается с тем, что его уже принимают за взрослого. Он всё чаще сравнивает увиденное с тем, к чему привык на родине, и объясняет читателям, почему все сравнения хвалёного края оказываются только в негатив для уроженца Центральной Сибири. Он всё чаще вспоминает родной город, именуемый Сере-

диной Земли, и замечает, что уже жалеет, что уехал оттуда.

Быт и нравы пансионата, куда попадает герой, возможно, вызвали бы сожаление о неразвитом сервисе и реалиях 1984 года, в котором и происходит действие, кабы не упоминание, что изменений спустя почти сорок лет практически нет... Кроме того, всё резко осложняется ужасным известием – на полуострове карантин, и отдыхающие оказываются едва ли не запертыми на территории. Что случилось, почему, что за инфекция обнаружена – не сообщается. Герой не может отделаться от ощущения, что попал в некую западню, из которой выбраться будет очень проблематично. Море и местная природа не производят на него сколько-нибудь позитивного впечатления, ему есть с чем сравнивать, да и младшая сестра, что осталась дома на попечении отца, заставляет его беспокоиться о себе. Никакой связи с домом, и тот факт, что у матери находятся неотложные дела фактически круглосуточно, начинают всё более зловеще выглядеть в этой реальности.

Герой остаётся один – он не то взрослый мужчина, которого не устраивает даже обилие поклонниц среди приезжих со всей страны, не то ребёнок, который в ужасе от того, что местные цветы не имеют запаха. С горечью он рассказывает нынешним своим читателям, насколько тоскливым и безрадостным оказался отдых – одно замечание про погибших ежей, что отравились лизолом, которым дезинфицировали корпуса пансионата, вызывает оторопь. Отсутствие су-

мерек и освещения ночью, солончаковая безрадостная степь, сырость, в которой бельё не сохнет сутками, мелкая пыль, отвратительная питьевая вода, грязное море, взбесившиеся в тот сезон медузы, унылый ветер – далеко не полный перечень вещей, вгоняющих сибиряка в депрессию. Он пытается выглядеть молодцом – и вдруг понимает, что песни известного барда, которым его научили в поезде, сбываются в Крыму с ужасающей точностью. Он замечает, что в этой местности перестали появляться птицы. Для таёжника это реальный сигнал Апокалипсиса, а между тем окружающие – особенно взрослые – не то предпочитают прочно делать вид, что не замечают зловещих знаков, не то действительно утратили эту способность.

Увидев однажды вещий сон про Юстинианову чуму, ещё не поняв толком, что это такое, юноша чувствует, что заболел – причиной оказались персики, которыми его угостил ухажёр матери. Рефрен Ланцберга про холеру оказался пророческим. Врач пансионата, уроженка нынешнего Екатеринбургa, почти сразу понимает произошедшее – «надышался аральским ветром», т.е. подцепил бубонную чуму, которая никогда и не выводилась из этих мест на самом деле... Возможно, из-за неё и карантин – догадывается читатель. Однако выполнять полностью положенные в этом случае предписания взрослым не хочется, ведь тогда не то что отдых на смарку, ещё и куча проблем начнётся.

Они заключают сделку с ребёнком – будешь-де лежать

в элитном номере в одиночку и лечиться там амбулаторно, под присмотром уже знакомой врача и жильца этого номера, чьи персики сыграли эту роковую роль. Будешь помалкивать – это и в твоих-де интересах, ибо альтернативой будет месяц в душном боксе, который моется лизолом ежедневно... Выбирать не приходится, и герой обречён страдать фактически в одиночку. Высоченная температура, галлюцинации – или другой пласт реальности? – боли в мышцах, ощущение наличия затягивающейся гаротты на шее. В реальности появляются новые зловещие персонажи. Героя угнетает бессилие воздействовать на неё.

Пока читатель самостоятельно строит догадки, можно ли трактовать появление злого женского персонажа по Фрейдю или лучше не стоит, он начинает вести себя наглее любой реальной злодейки. Герой в отчаянии пытается позвать на помощь, не особо веря в успех – но на третий день он наконец-то слышит за окном пение птицы. Это случается ночью, клёкает сова-сплюшка. Однако спокойно заснуть юноша боится, справедливо опасаясь кошмаров во сне.

Происходит невероятное – в раскрытое окно влетает полярная сова, житель сибирских северов, и прогоняет свирепую злодейку. Правда, превратившись при этом в импозантного молодца, но данная метаморфоза уже совсем не смущает героя – ему просто симпатичен оказавший помощь. Однако на контакт эффектный гость не идёт, к немалому огорчению больного, впервые почувствовавшему некоторое об-

легчение.

Также для поколения миллениалов будет масса интересных пояснений, как в то время люди жили не то, что без гаджетов – вообще без связи и почти без удобств. И что не так в Крыму с этим по сравнению не только с Сибирью. А также прелюбопытное повествование об истории достопримечательностях мест, где происходит действие. С массой иллюстраций. Потому что появляется ещё один сибиряк, ровесник нашего героя, который в прямом смысле забирается в окно с завидной регулярностью, добывая для друга провизию и вкусняшки – правда, читатель сразу понимает, каким способом, пользуясь амплуа жиголо. Совершенно взрослые разговоры подросших мальчишек поданы без купюр – дословно, сообразно тогдашней лексике... А также будет множество неочевидных связей с культурой и наукой Сибири и Крыма. Бытописание что событий двухсотлетней давности, что указанного времени, что современности – жёстко переплетается и не существует по отдельности.

Герой понимает, что, только распутав это узел информации, он найдёт выход из ужасного нынешнего положения. Но тут его подстерегает буйство местной стихии – ненастье здесь также имеет крайне неприятный оттенок и плохо действует на самочувствие больного. Однако и тут приходит на помощь белый сибирский филин, в нужный момент превращающийся во взрослого солидного мужчину, способного помочь и утешить. Юноша не желает допытываться у гостя,

кто он такой и почему прибыл, вероятно, этим расположив его к себе. А между тем читатель замечает, что этот персонаж реален не менее, чем деревья на территории – его видят и другие люди то и дело, те, кто не склонен вмешиваться в происходящее. Сам же белый филин в происходящее вмешивается постоянно, и он реален настолько, что не против перекусить гостинцами, которые с завидным упорством приносит другу Василий.

Но герой всё чаще замечает, что общается с человеком, что не является его современником. И понять, кто же это – довольно сложная логическая задача, с которой юноше удаётся справиться, хотя и не сразу. Он также предпринимает отчаянную попытку выяснить, что происходит дома. Это ему удаётся, и он узнаёт главное – сестра в безопасности, но у отца в доме живёт любовница, а его мать даже не интересуется, чем он болен и как себя чувствует.

Эти новости побуждают героя приглядеться к любовнику матери повнимательней и использовать уже его в своих целях. Проблема в том, что он очень быстро вычисляет, кто именно перед ним, но ему противен сам род занятий героя, из чего можно заключить, что парень родом из семьи репрессированных.

Несмотря на карантин, юноша предпринимает вылазку в город на переговорный пункт, посещает местный храм, чем должен немало фразировать современника в 1984 году, читатели узнают много нового не только об истории мест, где

пролегает маршрут, но и о связях её с сибирскими реалиями.

В дальнейшем, во время прогулки на берегу моря со своим местным другом, Василием, также сибиряком, завершая «мужской разговор», герой во время смены погоды находит уже знакомую по вечерним визитам в свою комнату птицу и подбирает её.

Птица жива, хотя на то, чтоб привести её в норму, тратится немало сил и времени. Кроме того, друзей посещают мрачные гости, что людьми только притворяются. Они принимают чужой облик, проходят сквозь запертую дверь, наконец, после просто растворяются в темноте. Они требуют выдать им «белую сову» без всяких пояснений и церемоний. Василий находит весьма оригинальное решение кризиса – выдаёт пришедшим изображение птицы, которое сам же и начеркал в их присутствии. Гости отправляются восвояси.

В тот же вечер друзья не только видят ожившего белого сибирского филина во всей красоте его птичьих повадок, угощают его плотным ужином, который непросто было составить в тех реалиях, но и знакомятся с ним в его человеческом облике, только в таком виде заметно, что гость ранен. Герой снова убеждается, что перед ним – человек из прошлого, тот не знает не только космологию, но и не имеет понятия о средствах медицины конца 20 века. Зато ему сообщают, что домой в родной город прибудет в срок и комфортно, самолётом, и попадёт сразу на «своё седьмое небо». Что значат эти слова, знает только оставшаяся дома сестрёнка,

но это обстоятельство не смущает юношу. Его заботит только то, что из-за ранения сова то обретает перья, то снова теряет их, и дозировка нужных лекарств, найдённых в аптечке.

Утром друзья просыпаются уже одни, и Василий сообщает то, чего наш герой не заметил в их ночном собеседнике. И уже вечером следующего дня, проштудировав служебную методичку ухажёра матери героя, они понимают, кто же их посетил. Но их интересует не громкое имя прославленного генерала 1812 года, а его послужной список и корреляции с сюжетом французского боевика «Профессионал».

Тем временем друзья замечают, что мрачные гости где-то совсем рядом и явно снова охотятся за их крылатым приятелем. Тот снова появляется, но уже в человеческом облике, и погоня просто не может войти в здание, как делала ранее, и удаляется ни с чем. Выполняя просьбу мальчишек, филин остаётся с ними беседовать и ночевать, воспринимая их интерес как обыденность. Тем не менее, тень от него так и отбрасывается в форме птицы. Наш герой отмечает резкое улучшение по части протекания своей болезни, и не сомневается, что это влияние этого гостя.

На следующий день у героя запланированная поездка на Сакское озеро, в компании «друга» матери. Там он понимает слишком взрослые вещи, которые вынуждают того общаться с ним, и попадает в очень опасное место, сам того не желая. Однако прилетает филин и, не меняя своего птичьего облика, сообщает им способ выбраться.

Тем временем становится возможным наконец даже выход в курортный кинотеатр под открытым небом, и мальчишки с удовольствием пользуются этим обстоятельством. Вот только после сеанса Василий неожиданно пропадает, и наш герой отправляется на поиски, предчувствуя недоброе. Ему удаётся успеть вовремя, прервав уже начатую было расправу над другом, которую устроили в женской раздевалке нетрезвые обитательницы пансионата. Правда, рискуя при этом своим здоровьем и жизнью, но даже не задумавшись об ином способе действий.

Выбираться пора уже и из Крыма – путёвка не бесконечна, а даже от бубонной чумы можно выздороветь, если не хочешь смерти. Как и было обещано, герой с матерью улетают из Симферополя на «ТУ-154». Во время прощания в аэропорту герой фактически случайно выбалтывает любовнику матери истинные реалии – он второй ребёнок из трёх у неё, а отец их никогда не покидал. Становится понятно, что новый радушный знакомый уже никогда не приедет в Иркутск навестить их, чему юноша даже рад. Тем временем филин незаметно для всех едет в его дорожной сумке и покидает её только по прилёте в Челябинск на дозаправку.

Дома герой сталкивается лбами нагулявшихся родителей, но те позднее предпочитают сделать вид, будто у них не было никаких романов на стороне. Документы, которые выдала ему на прощание его волей судьбы лечащий врач, успешно «потеряны» в конторе противочумного института. Един-

ственный человек, кто доверяет герою – это по-прежнему его младшая сестра. Она и получает на хранение перо филина, ведь здесь оно вовсе не нонсенс, кругом тайга.

К декабрю школьный театр решает ставить пьесу про приезд в Сибирь жён декабристов, но ответственный работник школы отказывает герою сыграть роль князя Волконского. В ответ юноша обещает, что спектаклю не бывать. Так и случается, и уже в момент представления к герою обращается администрация школы за помощью – выручай, ты же руководитель рок-группы класса. Сказано-сделано, и над притихшей школой звучит старая казачья песня, которую наш герой слышал в Крыму от филина. Довольны все, в т.ч. одноклассник, который так и не сыграл роль – он-де её и не хотел играть, но опасался гнева учителей. Публика требует продолжения, и группа школьников даёт полномасштабный концерт для микрорайона.

В полночь в форточку проникает уже знакомая белая птица. Для того только, чтоб сообщить юноше: «Нельзя повторять чужой опыт, можно только получить свой. Не нужно было играть меня в пьесе, дабы не попасть в схожую ситуацию с кандалами и прочим».

Поезд до Керчи

В августе после получения начального аттестата в школе отец вдруг огорошил меня известием: «Ну что, Ильин день отгулял? Большой уже, поедешь на вотчину вертухаев мать охранять мне. А с кем день рождения встречать – там найдёшь.»

Сказать, что я облез – ничего не сказать. Это как же, ни тебе слив и яблок, ни грибов что в самом разгаре сезона на заготовку? Да и купаться нет-нет да удаётся без последствий, как же это перед кабалой школьной я вдруг исчезну не пойми куда? А сезон охоты, что аккурат перед моим ДР открывается, меня ж обещали уже не только на подхвате брать? А книжки, которые я уже присмотрел себе чтоб выкупить у торговца на развале, у которого я работаю? Ну не то чтоб девчонки меня совсем не интересовали, шпана из окрестных бараков, как донесла разведка, уже собиралась подогнать мне в качестве подарка некую шалаву на распечатку... т.е. моя третья пятёрка накрывается медным тазом что ли? Какое блин куда ещё ехать, неделю в поезде? Папа, ты рехнулся, не иначе, я ж с ума сойду там от жары в этой грохоталке...

Отец выслушал, посмеялся и поспешил меня заверить, что всё совсем не плохо, и даже мне понравится. Билеты он уже купил, поедем в купе. Мать хворает то и дело частень-

ко, надо бы её на море-то подлечить малость, вот направление в пансионат. А коль скоро мне ещё 14, то путёвку он записал с помощью профкомовских на меня как на ребёнка, успел. Дескать, будут тебе и сливы – только не наши уссурийские, а настоящий чернослив с куста прямо, будут тебе арбузы с грядки,купаешься ещё в море с медузами, на пляже нажаришься, будут тебе и девки взрослые сколько найдёшь, они все заезжие с курортов только для того туда и едут, а книги у твоего работодателя я сам выкуплю, не забудь только список составить. Грибы мы уж с Масей сами собирать поедем, без тебя, она тоже толковая, а к охоте на осень успеешь без проблем. Только вот смотри там в оба, чтоб к маме не клеились отдыхающие всякие, особенно из столиц, понял меня? Ах, не понял, ну сейчас объясню тебе схему...

В общем, быстро я повзрослел в итоге этого инструктажа, так, что, повертев в руках упаковки кохинора – это кстати ни разу не карандаши, а резиновое изделие №2, как следовало называть его аптекарше для отпуска без паспорта, решил даже как-то отложить свои планы на расставание с невинностью. Будешь тут, когда объясняют как колоть пенициллин себе в результате неудачного загула... и все остальные возможные сложности. И вместо того, чтоб 12 августа устраивать пирушку на кладбище самолётов за рембазой, как я делал аж с семи лет, сам с собой и небом – уже стоял в полной походной экипировке на перроне третьей платформы городского вокзала, и наблюдал как родители прощаются, и ду-

мал всякое новое для себя и непривычное. О том, насколько прочны на самом деле их отношения и что ждёт нас по возвращении к началу октября домой. Не найду ли я дома вдруг тётю Свету из профкома или ещё кого, к примеру. Конечно, сестрёнка обещала мне строчить подробнейшие письма – но что толку? Что она поймёт в свои 10? А на переговорном пункте много не наболтаешь, как известно – когда тарификация межгорода не только посекундная, но ещё и от расстояния зависит. Да и что там могут сказать, через все эти тыщи километров? Дежурный мур-мур, что называется. Соседки... да какая на них надежда, они ж выдумают чего не было в природе и денег даже не возьмут, как говорится... А в школе меж тем ждали новую завучиху к новому учебному году, химичку, и слухи о ней ходили самые разнообразные, мол, не только двойки ставит но и способствует выгнать с волчьим билетом. Это я сразу пропущу полчетверти – как нагонять буду, одному чёрту известно. С дерьмом съедят училки – ишь, выискался тут бездельник, на море прохлаждался когда они тут всем миром картошку по холоду копают! Кстати, кто будет её копать нынче в моё отсутствие, а? Заквасят прям на поле и половину в земле оставят – я бы этих оболтусов взрослых не знал, как же, и мамин брат им помогать точно не приедет. Он в своей Караганде так застрял, что фиг вылезет на родину уже, как видно. Такие вот унылые мысли, а Маська-то мне искренне завидует и просит сувениров с Крыма привести... пообещал я ей камней и раку-

шек на ожерелье, железно – и понял, что меня расстраивает. Старшая наша не пришла. Не иначе, нарочно проигнорировала, зажгла с хахалем. Нету у нас семьи уже, значит, этак и на свадьбу свою не позовёт.

А тут ещё соседки по купе достались нам – две хохотушки чуть постарше матери... я от их разговоров даже на верхней полке лёжа не знал куда лицо от стыда прятать. На первой же стоянке в Зиме добежал до киоска на перроне и купил себе пачку «Магны» – что нашёл... она оказалась слишком крепкой чтоб её выкуривать даже по одной сигарете, меня подташнивало и вышибало грустные слёзы, но я хотя бы имел железное алиби – курю в тамбуре и не желаю слышать все эти дамские фривольные откровения и подколки в мой адрес. К счастью, в дороге дико хотелось жрать, причём часто, и я смирился с тем что так и надо – в любом случае, вес набрать мне не повредит, худошавой орясине... На третий день пути соседи по вагону из жалости, что ли, стали таскать меня с собой за компанию в вагон-ресторан. Газировки мне не жалели, бутербродов тоже – я сидел в углу, палился в окно и делал вид что с интересом слушаю байки вахтовиков и прочие рассказы о взрослой жизни. Тем более что много от меня и не требовалось – вовремя кивать, поддерживать парой слов говорившего и вопрошать «А дальше что было?», а ещё изредка вставлять односложные оценочные суждения по адресу упомянутых рассказчиком личностей. На пятый день пути проводник вручил мне собственную книжку, взятую в по-

ездку и не разрезанную даже – и я мог сидеть в коридоре уже в одиночестве, то действительно приступая к чтению, то продолжая лупить в окно на пролетающие пейзажи. То было любопытно, то вгоняло в тоску, но хоть как-то убивало время без необходимости выслушивать ужасную болтовню соседок о своих бывших со всякими подробностями. А потом они догадались, что я сознательно избегаю их общества. И одна из них настойчиво выбралась в моё уединение, якобы с целью обсудить книгу. Книгу я вручил ей на просмотр и ушёл курить.

Но в тамбуре в тот раз никого не было... на моё несчастье. Меня достали и там, прижав к стене и нагло запустив руку под ремень... Позже, на третьем десятке лет, я даже рискнул попробовать этаким способом – заблокировав двери, между вагонами... Не скажу что это так уж волнительно, право, можно и обойтись без приключения, вполне, ограничившись обнимашками, хотя свою пикантность имеет. Но тогда я просто взбеленился и отоварил борзую дамочку по щекам для охлаждения её эротического пыла. Конечно, изо рта у неё посыпалось разное дерьмо вперемешку с томным шипением, иначе такую лексику не атрибутировать. Я пригрозил что сдам её через начальника поезда ментам за совращение малолетки. Как ни странно, подействовало влёт. Я не стал дожидаться когда в купе меня ославят как сами хотят – тем паче что баба помчалась в другой конец вагона, подобрал книгу и неторопливо ввалился в купе сам. У меня видимо

что-то было в лице не слишком симпатичное, потому что наша вторая попутчица замолкла на полуслове, взглянув туда. Но провизжать «Как, ужё всё?» она успела. Я представил мысленно в красках, как сейчас бы с удовольствием врезал и ей по лицу, и она вдруг отшатнулась стремительно, как будто я и впрямь сделал что-то этакое. Мать заметно смутилась и вдруг назвала меня так, как называла только Маська в мои минуты гнева, предложив мне не то кофе не то шоколадку, «барсик, ты не смурей, скоро доедем, завтра уже к парому прибудем». Я холодно ответил что был бы очень этому рад и вообще-то спать хочу, забодали уже хихикать ночи над ухом.

На пару часов я выторговал молчание в купе. Это было здорово. Заснуть мне всё-таки удалось, и я не хотел просыпаться, такое потом у меня было только на больничных койках перед плановыми операциями. Они всё равно потом завели свой зуммер, шептались отчаянно и много, но дрёма спасала от проникновения того что говорят в сознание. А потом настал новый день, когда весёлый проводник ворвался в купе и выдал инструктаж что будем делать когда наш вагон затолкают на паром. В тот день я искупался – в его обществе и ещё нескольких веселушек из педа, сокурсниц его, в настоящем море, и набрал для Маськи сразу мешок трофеев. Ракушек, помню, от кромки воды было насыпано аж на полтора метра к кустикам полыни. И ещё чего-то что не росло у нас в Сибири. Я нарвал цветущих стеблей и затолкал их в кни-

гу – мне её в итоге подарили. Было свободно, приятно, мы орали дружно песни под гитару, я плясал босиком на горячей земле под незнакомым солнцем – под ритмичный аккомпанемент аплодисментов девчонок, и два часа до погрузки пролетели как дуновение бриза вечером с Байкала. Чем была занята мать – я даже не подумал справиться. Похоже, она занималась в обществе попутчиц поеданием каких-то ватрушек, купленных у предусмотрительных местных с корзинками, как везде на стоянках поезда. Я не видел, в общем, и знать не хотел что там делается. Солёная вода была ну просто гадкой на вкус и я не понял вообще, чем она может быть полезна, лучше бы на источники у нас в долине поехали – там минералка хотя бы вкусна. Но сама возможность проветриться – без необходимости торчать в вагоне во время переправы, меня очень воодушевляла. Да и мой уже резко смуглый загар у местных вызывал уважительное недоумение – ишь ты, а ещё сибиряк-де, как же они там успевают, у них же холод и медведи ходят по улицам.

И вот это карикатурное, уродливое представление о моём солнечном уютном Байкале меня выбесило. Какие-то ушлёпки, которые боятся спину солнцу подставить в тридцатку по Цельсию, лиственницу топором срубить не могут, смеют мне рассказывать, что к нам только декабристов ссылать! Ой, зря это какой-то там типа моряк вякнул, зря... разнимали нас уже человек шесть, когда эта сволочь мне подножку подставила, но я вцепился в него уже крепко, и не давал встать

с этой перегретой грёбаной палубы этому изнеженному курортному пижону... Я бы посмотрел как он по сопкам у нас бегаёт с горбовиком, полным ягоды, очень с большим интересом посмотрел... Посмотрел бы что он стал делать, когда пестун к костру выходит вечером... пари держу, диареей бы пробавился точно, спец типа по медведям дешёвый... И заценил бы сколько километров по льду на лыжах бы за час накрутил, а я вообще этот пролив кабы не поезд бы брасом бы в однова прошёл – сомневаюсь сильно насчёт этого навыка в сопернике...

Быстро выяснилось что я по меркам законодательства ещё ребёнок, и моего визави подняли на смех. Я, правда, был не рад, злился, рычал и шипел вслух все что думал на его счёт. Мать смотрела на это шоу огромными глазами, не спеша жевала какую-то пакость из слоёного теста с кизилловым вареньем и ровным тоном заметила державшим меня мужикам:

– Когда замолчит, отпустите, но не раньше, а то он ещё кусаться будет, – и с каким-то нылым прононсом, прости Господи, обернулась к моему противнику. – А нечего было злить мне барсика, болтун!

Мужик дёрнулся как ошпаренный, паскудным взглядом оценил её формы под ситцевым сарафанчиком, и процедил, уходя:

– Нарожают зверёнышей, слова им не скажи. Я бы у себя в станице спесь бы резко сбил с таких борзых...

Я заматерился в голос, что-то поясняя насчёт того где я видел все их поганные станицы, что если уроды профакали всё в 18 году, так нефиг сейчас пальцы гнуть и не будь я потомок Гриши Кочкина, сейчас он мне за весь донской позор один отвечать будет... вырвался, к ужасу матери... и подножкой меня было уже не остановить, обученный... Однако инцидент не продолжился, потому что моя цель ускори-лась слишком активно и вскоре сгнула за соседним вагоном, а мне путь преградил уже мой проводник:

– Хрен с ним, сгнивший. Брось его.

Мой гнев куда-то резко испарился, и я проворчал в ответ:

– Будь по-твоему, – и отошёл к борту насколько это было возможно. Палящее солнце уже совсем меня не радовало и казалось злым, колючим как обрамление забора ИВС. И то хлеб, что хотя бы ветерок не давал согнуться под его натиском, аккуратно освежая мой подростный за лето дома хайер. Я глядел в никуда, якобы вдаль, и ни о чём не думал уже. Поездка так и не смогла меня порадовать, и я ощущал отчего-то что и дальше будет не лучше.

Такие вот мемуары в карантин, я там впервые услышал это слово, в Крыму. Зря я это написал, наверное.

Прибытие в Крым

Дальше было очень скучно – с одной стороны, потому что поезд превратился в тихохода-электричку, который останавливался чуть ли не на каждом полустанке между перегонами. В него подсаживались грузные чумаки с мешками в руках и мешками же за спиной. Моего проводника они снабжали за проезд варёной кукурузой, авоськами полными баклажанов и сырыми раками. Вид у них всегда был смурной и унылый, казалось, они могут перезаразить хандрой половину мира. Над металлической крышей вагона круглосуточно рябило море, она не успевала остынуть за ночь. Кондиционеры? Не, не слышали, ибо в 1984 году советскому человеку их не полагалось. Газеты стали цениться не как способ убить время за чтением – на него мозг оказался не способным в жару – а как предмет, позволявший обмахиваться. Окна в вагоне фактически не закрывались, но небо было безоблачным, солнце палило, и высываться из них уже не спасало. С другой стороны, я был спасён Славиком до самого Симферополя – потому что у него прибавилось хлопот по вагону, а я мог охранять его проводничью обитель весьма успешно. Чем я с радостью и занимался.

Днём мы читали, пили остывший чай, жевали кукурузу, травили байки и орали песни под гитару, которая вдруг обнаружилась у моего проводника...

Я выучил до кучи Визбора, Городницкого и Кукина в итоге. Потому что Славик был уже на 4 курсе педа со всеми вытекающими и выползающими. Причём я уже знал когда поезд остановится – когда Славик едва слышно давал команду подпевать «Абакан-Тайшет». Я старался, мне помогали какие-то подружки Славика, мы устраивали настоящий концерт с прихлопыванием и приплясыванием, в итоге на новом раскалённом перроне на добрый километр был слышен наш звонкий ор про туманы и Тайшет-Абакан, про то что мы едем за туманом, часто мы сразу переходили на «Полярное кольцо», «Хамар-Дабан», потом орали уже про холеру и зелёный поезд что виляет задом...

Или тоже задачка, спеть известные вирши фактически в стиле рок:

*Поезд, длинный смешной чудак,
Извиваясь твердит вопрос :
«Что же, что же не так, не так,
Что же не удалось?»*

Тогда я не знал слова «троллинг» и просто принимал команду как должное... Сейчас мне поведение Славика более чем понятно. Ведь я видел как еле слышно, но зло шипели, словно закипевшие чайники, эти самые его незаконные пассажиры, стоило ему отвернуться. Славик выходил к ним в одних закатанных до колена холщовых штанах и шлёпан-

цах, торговался как самый жадный в мире чёрт, рычал что его-де поезд тут не один нынче в неделю едет, не хотите мол – ждите электричку... Почему-то от его услуг всё же ни один жаждущий проехать несколько километров в вагоне не отказывался, только громко и горестно вздыхая, вручал ему ещё один мешок, который нёс в руках или привязывал к поясному ремню... А мы, трое-четверо обычно, высунувшись в коридор, тем временем орали на весь вагон: «Рельсы упрямо режут тайгу...»

По темноте в проводничкой начинались пиры. Славик учил меня варить раков, пить местное домашнее вино и закусывать дольками груш, которые он доставал из мешков и, ошпарив кипятком, резал очередным кинжалом с наборной из разноцветного оргстекла ручкой производства «ГУЛАГ СССР», при этом его движения напоминали священнодействия некого проворного языческого жреца. Завернувшись в казённую простыню, участники пира произносили тосты с силлогизмами, не уступая в красноречии мифическим или не очень античным ораторам. Потом на разделочных досках появлялось сало всех сортов и мастей, домашний хлеб и огромные помидоры – не хуже абаканских, хотя говорить об этом было табу. Помню, один раз мать застала меня посреди веселья – так же как и председатель пира, в сандалиях на босу ногу, трусах и простыне, я был хорошо осоловевший и уже полулежал на полке, приобняв кого-то из девчонок в сарафанах. Честно говоря, я всерьёз опасался скандала или

ещё чего-то в этом роде – но Славик проворно вылетел вон как пробка из бутылки с шампанским, увлекая мать за собой и что-то воркуя ей при этом... Инцидент был исчерпан, а я уснул на пару-тройку часов, не шевелясь даже... Откуда потом у Славика взялась фляжка коньяка из вагона-ресторана, я так и не понял, ведь мой проводник брезговал на свои средства там что-то приобретать... однако он проворчал что-то невнятное про идиотов-дембелей из пятого вагона «инда нефиг щёлкать хлебалом», и больше я ничего не узнал.

Пейзаж за окном доставал однообразностью и унынием, сухие кустики бессмертника с солончаков девчонки как-то вплели в мои лохмы, однообразная плоскость меня начала угнетать не хуже жары, и я был рад тому что фактически мной было кому заниматься. Кусты и пирамидки тополей на поселковых станциях совсем не вдохновляли. Они мне потом конкретно надоели, ведь я люблю кедры, ели и багульник. Перегоны напоминали автотрассу Усолье-Тыреть в июле, где у нас в области рассованы основные солевые рудники. Вроде и нет ощущения что ты на плоском открыто совсем блюдце, но когда вагон поехал покосившись на 11%, мне стало лихо. Так что обществу в вагоне я был очень благодарен. Но что меня совсем огорчило – у меня закончилась ангарская вода для питья. Местная была поистине ужасна. Её ставили на несколько часов в холодильник, помню, сластили, крапили лимонной кислотой – но запах сероводорода был тошнотворен. Наши источники в Тункинской долине

были с приятной кислинкой и шипучкой, как знатная газировка. Там можно было выпить полтора литра и не заметить, даже если и не было жажды. Здесь хотелось пить постоянно, но больше двух-четырёх глотков осилить было невозможно – мутило и слезились глаза. К моему ужасу, так обстояло дело на всей этой грёбаной Тавриде, и я отказывался понимать, что нашёл в этой местности хорошего рифмоплёт Волошин. Ну да, офигенного цвета закаты – только я уже слышал мудрёное слово «рефракция» и знал, что это от тучи пыли в атмосфере такое, у нас в промзонах тоже обалденные краски вечерами, вот только почему-то сосны умирают и люди тоже высыхают в них... Славик сочувственно смотрел на мои мучения, потом доставал из ниоткуда (иногда у меня было ощущение что он их откуда-то телепортирует) банку яблочного сока... помогало ненадолго. «По прибытии пей только пепси! – напутствовал он меня после, когда мы притащились в Симферополь. – Иначе тут сдохнуть можно за месяц на этой вонючке! И промывай всегда голову после моря на ночь, иначе соль съест кожу и волосы!» – с тем я и вышел из вагона, в сумеречный рассвет чужого города, когда ещё ночная мгла задёргивает очертания предметов и стен.

Вокзал неприятно поразил своим кислым размахом, напоминавшим теорему о подобных треугольниках... Куча арок ни о чём – такой была моя первая мысль. Потому что я привык к зданиям в Ангарске и Слюдянке – изящные, компактные, уютные...

С приятной водой в фонтанчике внутри – у нас везде можно пить воду фактически из-под крана...

Чем мы часто и занимаемся, шокируя столичных сно-
бов...

Впрочем, родня оттуда всегда по приезде припадала к холодному крану надолго...

Я говорю это потому, что Салгир тогда произвёл на меня удручающее впечатление...

Он и раньше был не лучше...

Фотографировали Салгир всегда осенью, когда дожди заполняли русло – так бывало и со Слюдянкой, что постоянно уходила под камни, вглубь земли...

Но меня Салгир встретил несколькими лужами...

Да, Слюдянка пряталась, но её иной раз можно было слышать в подвалах домов Рудоуправления, её берега были выложены блестящим ясным мрамором и гранитными булыжниками, там росла шикша и кусты смородины.

Да и вообще...

И вот это – оказалось лишь рекламной открыткой...

Вместо обещанного открыткой лягушатника – пересохшее болото, которое ещё и воняет, как всякая лужа среди глинистых почв...

А вообще они обычно были потемнее:

Как тут можно жить? Превратившись в улитку? А их было колоссальное количество – они гроздьями покрывали фонарные столбы, стволы деревьев, стены у тротуаров... от мелких до до размеров теннисного мяча.

Это выглядело мерзко, на фото хоть какой-то элемент эстетики ещё формируется...

Так что после оленьей стройности ТрансСиб вагона Симферополя был похож на разжиревшего хрюка, которого вот-вот зарежет очередной мрачный чумак перед поездкой куда-нибудь в Запорожье...

Скамейки – топорные, после моей привычки к Иркутской Набережной, она же бульвар Гагарина...

Громада здания вокзала нависает над тобой, напоминая предбанник преисподней.

Год основания: 1784

День города: первое воскресенье июня

Всё было серым, серым, давящим и веявшим безысходностью.

И вовсе не потому что мы вышли в серый свет утра. Оно и под солнцем такое же серое...

После нашей Середины Земли

я почувствовал что попал на её край, в самом лучшем случае...

Вот сюда я так и не сходил, тоже мне коробка зиккурата...

Театр должен быть таким:

Вот он, краса и гордость города, точнее, что от него ещё оставалось в моё время...

и поближе...

А не вот этот вот позор... сарай сараем.

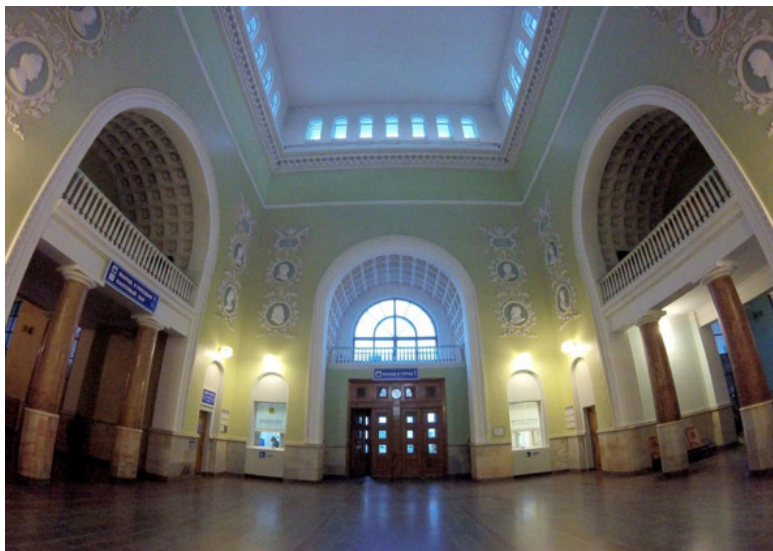
И в общем, вот эти открыточки оказались симпатичнее...

Хотя и на них видно, как оно давит на тебя в реальности.

Я понял, почему отец сказал мне «край вертухаев», почти сразу...

Они смотрели на нас сверху, с барельефов... От них так и веяло той же злобой, что и в учебнике истории от портрета Робеспьера. Как выяснилось, наша электричка до Евпатории должна отчалить только около семи утра... В каменном мешке против ожидания не было прохладно, ещё и душно, и лампы светили тускло и безжизненно. Почему-то вокзальные киоски не работали, что расстроило меня ещё больше – Маська бы наверняка пришла в восторг от раковин рапана и значков с местной символикой. Однако, увидев цену милой ракушки... 3 рубля 89 копеек... я стушевался. Бутылка пепси тут стоила 63 копейки, а была на один глоток, 0.33 лит-

ра – правда, за пределами вокзала уже 35 копеек, но для этого пришлось бы выбираться отсюда на троллейбусах, в которые были очереди – от их вида потом уже у меня была оторопь, ничего подобного в родном городе не было отродясь. Тащиться же вон равно как и в комнаты ожидания, смысла не было. Дома работало что-то вроде вокзального кафе, здесь оно было закрыто до 9 утра.

Это я вклеил панорамку что Вы поняли, почему довольно скоро мы остались одни в пустоте чужих стен. Кресел не предвиделось, мы смирились с необходимостью остаться на месте. Я говорил матери что-то о том что мне здесь не нравится, что мы приехали куда-то где нам не будет хорошо, что это какое-то старое место старого света и нужно было ехать в Нилову пустынь в ущелье Ихэ-Ухгунь, а не сюда, и она приобняла меня только чтоб я не продолжал и не на-

чинал ругаться уже в голос. И тут мы вдруг вынуждены были понять что не одни...

— Гражданочка, отцепитесь уже от хахаля-то, будет! — прозвенело противным писклявым тембром в чужом баше...

Я психанул и увидел впереди себя какой-то нехороший белый свет, и в общем так и не смог сообразить на ходу, что же я делаю-то? Очухался я уже лицом на полу с хорошо заломленными руками и разбитой в кровь губой. Какой-то мрачный хмырь что-то вещал матери про молодого уголовного что она-де вырастила...

— Шо ти казав, свиня недорослих? — прохрипел я автоматически, вспоминая говор из соседских бараков по району Гидростроителей... — Оборобив тебе на Магадані у нас!

Повисла пауза. Меня подняли на ноги и потом даже отпустили. Сатрапы в ментовской форме ещё дружно пилились на меня, пока их начальник, резко сменив тон на дружелюбный, тараторил уже совершенно радушно:

— Ну что ж Вы сразу не сообщили-то, что к родне приехали, гражданочка? Пройдёмте, сейчас выясним, нет ли кого из таксистов до Прибрежной...

Таксистов не оказалось, но зато нас попотчевали рассыпанной картошкой со свежим укропом и какой-то маринованной рыбиной на чёрном хлебе, напоили краснодарским чаем с кизилковым вареньем и даже посадили на нужную электричку. В карманах куртки у меня поселились аж три рапаны для Маськи...

Мать всю дорогу в электричке как-то задумчиво смотрела на меня и ничего не говорила. Я лупился в окно на чахлый пейзаж, думал всякую фигню и молчал.

Я опять уверился в том, что поездка мне не понравится.

И я оказался прав.

Пансионат

От Симферополя до нужной нам станции Прибрежная электричка тащи­лась почти полтора часа.

Пейзаж, повторяю, нагонял адскую тоску и уныние.

После привычной мне августовской тайги за насыпью мне эти места казались просто краем помойки и отстойника.

Как видите, иссохшая глина с чахлым бессмертником и ужасным высохшим осотом ничего другого не может навезть.

А вот к чему я привык и не мыслил лета без него...

КБЖД, объект любования и вожделения столичных мажоров.

Южный берег Байкала, мечты романтиков вся Руси...

И вот в этот крымский забытый Богом пустырь меня привезли для того чтоб угробить мой 15й ДР?

Всё это вгоняло меня в уныние и на редкость успешно.

За пустой платформой перрона оказалось пустынное в ранний утренний час шоссе, которое мы перешли чтоб увидеть кислые белесые ворота похожей на вот эту конструкции...

Но здесь гораздо лучше ажурная конструкция решёток и сама стена выглядит воздушной по сравнению с тем позором, что ожидал нас. Мазанные белой штукатуркой стены до сих пор вызывают у меня омерзение, после той поездки – но пока они просто показались мне памятником уны-

нию. К счастью, тащить чемоданы, рюкзаки и сумку было не очень далеко.

Хрен Вы сейчас попадёте в то место, куда меня привезла мать, хотя там ничего не изменилось с того времени за 36 лет... Потому что сейчас пансионат захапало ФСБ, и теперь он закрытое режимное предприятие.

Вот этот придурок тогда был крашен серебрянкой, вот и всё отличие. Да, и поменяли дверь главного входа – тогда она была справа, с торца дома. Приёмщица – именно так и следовало назвать администраторшу – тоскливо посмотрела

на нас так, будто мы лично у неё сожгли родную хату, и процедила с пренебрежением, заполняя бумаги:

– Что-то понаехало нынче сибиряков, не к добру это, они обычно в мае...

– И что Вы, сударыня, изволите иметь против сибиряков? – негромко отреагировал я, начиная цинично мерить взглядом её бедные стриженные кудряшки, молочного цвета кожу с асфальтового тона глазками и пухлое тело под ситцевым платьем.

Я уже знал особенность родного говора Середины Земли – мы никогда не растягивали слова, предпочитая ими выстреливать, и потому составляли адский контраст с кем угодно. В помещении находились ещё штуки четыре коровы неопределённого возраста лет до 60, отличавшиеся от моей собеседницы иными расцветками цветочков на платье и прочими незначительными деталями внешности. Разумеется, эффект от моих слов был похож на разрыв вакуумной бомбы – все особы женского пола резко ощутили нехватку дыхания и начали беззвучно хлопать губами, надеясь её таким образом возместить.

– На Вашем месте, знаете ли, я бы поостерёгся делать заявления, достойные невежды, – продолжал я тем временем, словно вызванный к доске с указкой. – Вы даже железную дорогу к себе без сибиряков бы не построили. 62 и 64 дивизии, решившие судьбу Сталинграда, состояли полностью из наших парней. Да и Москва без наших к осени 41 года

была бы сдана без боя. Или у Вас что-либо личное, в стиле поматросил-и-бросил?

– Юноша, Вы меня не так поняли, – каким-то севшим голосом проговорила приёмщица, замерев и округлив глаза. – Я не хотела никого обидеть...

– Однако сделали это не задумываясь, – невозмутимо пожал плечами я. – Не соблаговолите пояснить причину?

В этот момент в помещение впорхнула ладная загорелая тётка возраста моей матери, двигалась она словно кабарга на откорме, была загорелой и мне до подбородка, а я уже тогда вымахал почти во все свои шесть футов шесть дюймов от поверхности планеты. Через три года я увидел её типаж в главной роли фильма «Акселератка» – но эта была с косой до середины спины и шатенка... Похоже, под медицинским халатом у неё был только купальник, и толком не просохший.

– Андреевна, твоего полку прибыло, – с ходу затараторила на неё приёмщица, – проводишь до места, тебе всё равно к себе по пути? – и демонстративно игнорируя моё присутствие, она проставила что-то в наших бумажках и вручила их матери.

– Не вопрос, – отзовалась та ровным тоном, – тоже ёбургские что ль?

– Ещё дальше, – с заметной горечью было ей сказано. – Байкальские.

– Ну так правильно, купальный сезон приехали свой про-

должить, – прокомментировала Андреевна, плавным движением подхватывая с пола пару наших чемоданов, которые я оставил стоять когда вошёл. – Идёмте со мной, я всё покажу Вам.

Не очень довольный тем что разговор закончился, я от души засвистел первый куплет «Зелёного поезда», а выйдя из помещения, уже взялся напевать припев...

*Слепой закат догорел и замер,
и вновь, худобу кляня свою,
зеленый поезд виляет задом,
а я с моста на него плюю.*

*Ему – на север, а мне – налево,
и чертыхаюсь я каждый день,
что держит дома меня холера,
а может, дело, а может, лень.*

На этих словах тётка развернулась ко мне слишком резко, чтоб это могло быть случайностью, и уставившись на меня с упорным вниманием, оборвала меня чётко, хотя и совсем не грубо:

– Ну нашёл время и песню, парень, не каркай, пожалуйста.

Тут я и вовсе почувствовал неясную тревогу – как будто некое дуновение нематериальной опасности коснулось моего хайера...

– А в чём дело? – поинтересовался я доброжелательно и деловито, продолжая шагать уже рядом с ней.

– У нас карантин, – холодно пожала плечами врачиха, как оказалось, её процедура была в соседнем с нами корпусе. – Поэтому экскурсии на материк и южный берег под запретом. Все передвижения только в пределах пансионата и его пляжа. Честно, дальше Евпатории не выдвигайтесь никуда, и не покупайте еду у местных – они будут привозить к воротам всё равно что попало, но это нельзя есть пока не пройдёте акклиматизацию.

Я даже прорычал что-то невнятное и вряд ли цензурное... ведь ещё в Симферополе наслушался советов куда нужно съездить да и дома навёл справки о достопримечательностях, которые, правда, находятся не здесь... Это значит не полазить даже по Ласточкиному Гнезду? На кой чёрт было сюда вообще ехать! Лучше бы я сидел сейчас где-нибудь на южном берегу Байкала и лопал копчёный омуль, в перерывах между сбором черники!

– Это что, в Ялту не выехать теперь что ли? – поинтересовалась мать обиженным тоном.

– Особенно – туда, не советую, – сочувственно отозвалась собеседница. – У Вас ребёнок, гражданка, ему ещё жить.

Корпуса пансионата также навевали глубокое уныние:

Эти площадки нещадно пылили – на любом открытом пространстве становился заметен ветер.

И это мне ужасно не нравилось.

Комната. Вода из крана воняет сероводородом – даже умываться ей на редкость проблематично и неприятно. Чай на ней омерзителен – любой. Тогдашние веники грузинского производства сами были никакого качества. После Иркутской чаеразвесочной фабрики это был очень неприятный сюрприз, индийского чая в этой местности не было вообще. Не говоря уже о Кяхтинском. Здесь до сих пор нельзя включить автоматический чайник – розетки времён СССР не коннектятся с вилками современной техники. А также могут вырубить свет во всём корпусе такие техновинки.

В комнате сыро – и на балконе также можно найти на-
ползших улиток о чём я уже говорил. Бельё могло сутками
не сохнуть в этой дыре, несмотря на ветерок.

Примерно так выглядели аллеи, по которым я старался гулять в сумерках. Прогулки сильно портили трескучие местные цикады.

Если Вы думаете, наивные, что море там было такое, то вынужден разочаровать.

И вот это – ни хрена не красиво, сейчас поймёте почему. Вон те тёмные пятна в воде – это сгустки сероводорода, ко-

торые и дали морю название. Во время волнения оно поднимается к поверхности и в состоянии отравить всё до чего доберётся. А на заднем плане – Сакское озеро, вот это:

Мало того, что на карте оно обозначено как солёное, на самом деле воняет оно отнюдь не солью йодированной... НПО «Йодобром» выпускало странную продукцию, которой пользовались всякие закрытые институты. Также химический завод г. Саки был режимным предприятием со странными функциями. Проще говоря, зоной – что это такое нам, сибирякам, объяснять было не нужно, мы видели это издалека и сразу по стилю строений...

Также важно тут то, что Вы видите полное отсутствие зелени – а заметные «озёра» справа синего цвета на самом деле есть химический и канализационный отстойники...

Море собственно – слева, правее – то самое Сакское озеро... полное неизвестного неорганического яда, возможно, брома.

Вот откуда тут «целебные пары йода».

Так что вся зелень, которую я видел, фактически сводилась к этой... Что ещё сильно угнетало – это постоянный степной ветер, он шумит в ушах постоянно и реально сводит с ума, гураны из Забайкалья сбегали к нам от такого пачками под предлогом учёбы в вузах. Тогда даже крыш от солнца тут не было, но песок под ногами хрустел и иногда мешал дышать. Море кстати не всегда было таким как видите, очень часто вот таким, изжелта-помоечным...

От него реально хочется блевать даже сейчас, видя только на экране монитора.

А вот – та самая чернота, сероводородная... Она напоминала облик всадника чёрного, хотя я тогда ещё не был знаком с Откровением Иоанна Богослова...

Теперь о Прибрежном посёлке — где я конечно отметил-ся и где ещё видны слева от моря те самые корпуса пансионата... Вы сейчас увидите болота, на которых плодились малярийные комары? Вечерами они атаковали всё, что найдут. Репелленты? Нет, не слышали тут о них тогда.

Отдельно доставили в селе Прибрежном основные жилища местных. Делались они так. Мерзкая родная глина этой местности, поля которой Вы видите на роликах с квадрокоптеров, была пересушенной отчаянно – против наших таёжных суглинков, вечно сочившихся влагой, и дабы она не рассыпалась, в неё искусственно добавляли жиры. А точнее – человеческое дерьмо из отхожих мест. Замешивалось это вручную, точнее, ногами. Из мусора кое-как сколачивалась основа, на которую намазывалась эта масса, по высыхании её белили извёсткой сверху. Кое-где даже остались замазанные этим соломенные крыши якобы прошлого века – хотя так мне объяснили, все постройки не старше 1944 года, просто их делали так всегда, и за 40 лет ничего не изменилось – частники так и строят. Я был сильно впечатлён после наших бревенчатых изб и домов из строевого бруса и прошипел только «жизнь в говне в прямом смысле слова».

И оказался в итоге прав.

*Слепой закат догорел и замер
И вновь худобу кляня свою
Зеленый поезд виляет задом,
А я с моста на него плюю.
Чего мне мало, куда мне надо,
В какие северные края.
Зеленый поезд виляет задом,
Плеться, как дура, судьба моя.*

Пребывание

Аэросдвиг, как было написано в энциклопедии, настиг меня в Крыму несмотря на прибытие поездом... Эти злополучные 5 часов разницы с Серединой Земли буквально убивали. В 21—00 по местному времени Евпатории на родине было 2 часа ночи, и я ощущал адский упадок сил, глаза слипались. Однако в пансионате жизнь начинала бурлить только в это время, после ужина. Весь день отдыхающие шатались по пляжу или по окрестностям, забывая или нет принимать процедуры во врачебке, если они им были предписаны. Кто-то шлялся в Саки и Евпаторию за сувенирами и на рынок, чтоб сэкономить – потому что в администрации и у частных, что прикатывали на своих запорожцах к воротам, цена задиралась на 20—40% минимум... А после ужина фактически все тащились в кинотеатр под открытым небом – в этой чёртовой местности не было дождей от слова совсем – там всегда ожидало что-то новое, от просмотра киноленты до приезда артистов из Симферополя. Кстати, так себе труппа и режиссёр, сразу скажу, кислая такая провинция. Но на раз посмотреть хватало и их, конечно. Потом, после 23, собственно, наступало молодёжное время – пенсионеры и старичьё отправлялись спать по корпусам, а публика от 13+ до 40- оставалась на дискотеку. До 2 часов ночи могли гудеть. Шума по факту от музыки особо не было, уже за линии

ей тополя её почти не слышно снаружи, однако на танцпол внутри для всех хватало вполне. К тому же сюда проникали местные жители – как я потом понял, у них других развлечений в посёлке и не наблюдалось. Я быстро приспособился в итоге спать на пляже после обеда, чтобы вписываться в этот режим. Фактически, это была тоска зелёная во всех смыслах. Я уже упоминал, что вода была тошнотворная и пить возможно было только пепси. К счастью, достать её было можно даже в автоматах, расставленных по территории. Была там ещё «охлаждённая вода» – действительно прохладная, где-то 17 градусов, как ни странно, при окружающем тридцатнике и влажности 90%+ это ещё было возможно пить. Однако никогда не знаешь, схватишь ангину или нет. Погано было ещё то, что если дома можно было вспотеть и ополоснуться – здесь не помогало ничего. Пот с кожи не высыхал так же, как и мокрое бельё на веревках балконов, охлаждения не наступало. Вероятно, потому активность и была к вечеру и по ночи у населения. Вода была в душе такой же вонючей, сероводородной, так что приходилось всерьёз опасаться что задохнёшься в закрытом помещении. Ещё она была из опреснителей – т.е. всё равно солоноватой, и не отмывала кожу дочиста. Сушила только. Кремы же в этом проклятом климате не помогали – на них в мгновение ока собиралась пыль из воздуха, которой тут было побольше чем в любых пром-зонах от века, и через пяток минут рискуешь просто посереть там, где намазано. Дома вполне можно было вымыться

в любой лесной или горной реке, даже песком. Море для такой цели не годилось категорически. Даже если оно не было вот таким, в которое не было никакого желания заходить:

то тут подстерегали две напасти.

Медузы.

Корнеротов можно было встретить постоянно. На мелководье они не опасны, некоторые умельцы умеют их, как видите, держать безопасно.

Однако, если некто, вот как я, желает заплывать хоть немного от берега, чтоб не слышать визга детишек, нудного нытья их родителей и просто хорошенько размяться – эта тварь подкрадывается стремительно и непредсказуемо, и укол её жала очень болезненный, может даже свести ногу...

А если у тебя отключатся обе ноги от атаки полдюжины корнеротов – на руках даже в солёной воде при хорошем волнении доплыть будет сложно. В общем же игре на берегу тебя просто не услышат, даже если позовёшь на помощь. В общем, ушёл под воду – мерзкую и горькую, солёную ещё –

твои проблемы, этого просто не заметят.

Если бродить в полосе прибоя – там тебя ждут вот эти:

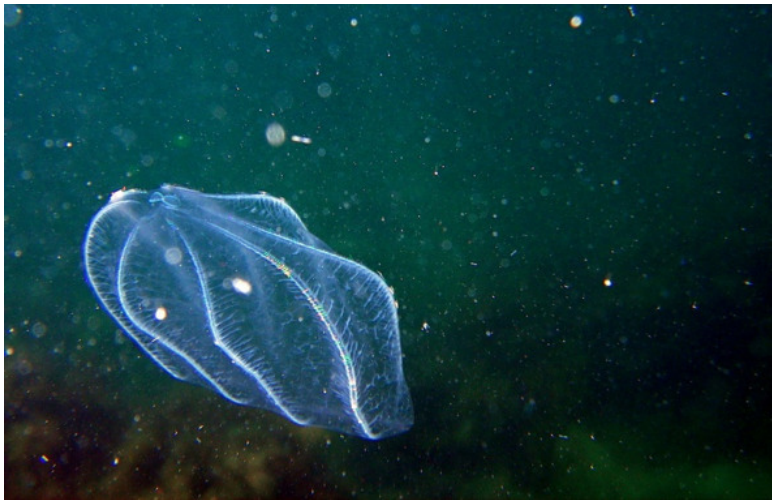
Даже сквозь кожу ладони укол ощущается как щипание электричества, если кто хватал пальцами источник постоянного тока от 64 вольт – знает это ощущение. К тому же они налетают тучкой всегда:

Угораздило же моего папашу послать нас в самый пик появления этих тварей! В то время никто не давал никакой информации, что делать, если на тебя набросилась вот такая колония:

И уж подавно ничего не делалось, чтоб они не попали в зону купания... Конечно, вечером весело очень наблюдать, когда что-то эдакое светится в воде, наверное, весело...

ПОТОМУ ЧТО ТОЛЬКО ОСЁЛ ТАМ ОКАЖЕТСЯ ВЕ-
ЧЕРОМ!

Темнело в этой местности мгновенно – что такое сумерки она тупо не знала. Пара минут – и всё погружается в чёрную мглу. Источников света – никаких... Шёл на Одессу кто-то там, а вышел к Херсону? Охотно верю, и для того не нужно быть пьяным. Там нет никаких ориентиров – ровная плоскость на десятки километров, промахнуться можно на любое расстояние. В пансионате ещё можно было торчать на аллее у фонарей, рискуя оглохнуть от цикад, потом глаза ещё как-то привыкали с пёстрым теням через пару метров.

Но на открытой местности – Вам ничем не поможет лупить-ся на звёзды, уверяю, заблудиться там как делать нефиг даже если помнишь в какой стороне шоссе, ночью по нему тем более никто не ездил. Полагаю, просто опасаясь с него съехать... Однопутная железная дорога и вовсе не видна в темноте – и куда двигаться, особенно без фонаря в руках – понять невозможно, сырая мгла скрывает все предметы надёжней могилы.

По дороге на пляж, однако, была оливковая аллея – но не одна... Там можно было бродить без опаски и я с энтузиазмом старался жевать мелкие плоды, углядев в них сходство с нашей облепихой. Не тут-то было, больше горсти в рот просто не влезало... они оказались к тому же совсем пресными на вкус. Нищebroды были эти античные спартанцы, вот что я скажу. Категорически непонятно также, как они шлепались в сходном климате босыми – я понимаю, что пыль и песок в сандалии набиваются ужасно, быстро подтапливая к кровавым мозолям – но если поцарапаешься до крови, к примеру, дома – зальёшь царапину йодом и на завтра уже про неё забыл, затянулась, а здесь оно будет мокнуть две недели и гноиться. Ещё здесь жутко неудобно носить трусы – особенно если они не просохли... натрёт махом и разьест кожу. Неудивительно что под туниками их и не носили...

Утюг для сушки футболок и рубашек был один на корпус и в очереди можно было пробыть три дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.